

В.П. Степаненко

АРМЯНЕ-ХАЛКИДОНИТЫ В ИСТОРИИ
ВИЗАНТИИ XI в.

(По поводу книги В.А. Арутюновой-Фиданян)*

Поводом для написания этой статьи стала монография В.А. Арутюновой¹, основной темой которой явилось исследование довольно специфической контактной группы армян-халкидонитов, сформировавшейся и существовавшей в условиях армяно-византийского пограничья. Исследовательница неоднократно обращалась к ней ранее, в 70–80-е годы, опубликовав ряд статей и монографию². Другие проблемы, рассматриваемые в книге, также предваряет ряд статей, посвященных, в частности, “новой административной структуре, возникшей на востоке” вследствие прокламированного исследовательницей кризиса фемы³.

Ряд проблем, сформулированных во введении монографии, продолжает и поныне оставаться актуальным, в частности, эволюция фемной структуры на востоке империи, роль армян-халкидонитов в создании “особой культурной среды на территориях, вошедших в состав Византии в X–XI вв.”⁴. Столь же актуальны и вопросы, в ней не поставленные, – репрезентативность источниковой базы исследования, ее достаточность для обоснованных выводов, критерии, по которым можно выделить армян-халкидонитов среди полиэтничной византийской аристократии, та совокупность этнокультурных признаков, которая была присуща лишь армянам-халкидонитам и отделяла их как от соплеменников, так и от единоверцев.

К сожалению, В.А. Арутюнова-Фиданян поставила перед собой изначально противоречивые задачи. Так, в предисловии отмечается, что наблюдения автора “привели к возникновению гипотезы о существовании особой общественной модели” на востоке империи в XI в., а также к “предложению концепции организации византийско-армянской лимитрофной зоны, не слишком оригинально (как отмечает исследовательница) названной ею армяно-византийской контактной зоной” (с. 3). Естественно, что это предполагает достаточно глубокое изучение социально-экономических отношений как в империи в целом, так и (на их фоне) специфики этих отношений в восточных фемах Византии. И хотя “задача книги – построить модель лимит-

* Ответственность за точность цитирования источников и историографии лежит на авторе статьи. Написание этнонима Ивир / Ивер и топонима Ивирия / Иверия факультативно (примеч. редколлегии).

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

² См.: Арутюнова-Фиданян В.А. Из истории северо-восточных областей Византийской империи в XI в. // ИФЖ. 1972. Ч. 1. С. 91–101; Она же. Византийские правители фемы Ивирия // ВОН. 1973. № 2. С. 63–78; Она же. Византийские правители Эдессы в XI в. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 137–153; Она же. Фема Васпуракан // ВВ. 1977. Т. 38. С. 80–93; Она же. Фема Васпуракан // ВОН. 1977. № 2. С. 92–99; Она же. Еще раз о феме Ивирия // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Вып. 1. С. 36–55; Она же. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи XI в. Ереван, 1980.

³ См.: Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу о термине “Восток” в конце X–XI вв. (По данным о высших военных должностях Византийской империи) // Византийские очерки. М., 1982. С. 114–147; Она же. Административные перемены на востоке Византии в X–XI вв. (К вопросу о кризисе фемного строя) // ВВ. 1983. Т. 44. С. 68–80; Она же. Терминологическое обозначение новой социально-административной структуры на востоке Византийской империи (X–XI вв.) // ВВ. 1992. Т. 53. С. 43–52.

⁴ Здесь и далее в статье цитируется текст монографии со ссылкой на страницу.

рофной зоны в ее социально-административном, этноконфессиональном и идеологическом функционировании” (с. 4), здесь же оговаривается, что автор “сознательно ограничил демографические аспекты исследования, взяв только крупный план – взаимодействие армянского и греческого этносов”.

Вот с точки зрения того, насколько удалось В.А. Арутюновой-Фиданян (при всей неоформленности целей) решить поставленные задачи, мы и рассмотрим данную работу, так как уровень и полнота освещения в ней вышеперечисленных проблем в известной степени демонстрирует комплекс давно назревших вопросов, без решения которых дальнейшее исследование данной тематики уже не представляется возможным. Тем более, что со времени публикации статей В.А. Арутюновой-Фиданян, которые легли в основу ее монографии, накоплен обширный фактический материал, лишь в незначительной степени ею учтенный.

Выявление особенностей развития социально-экономических отношений на востоке империи предполагает хотя бы общий обзор их в рамках Византии в целом с целью сопоставления общего и частного. Лишь это в известной степени может дать возможность выявить динамику развития данных отношений и их специфику. Поэтому В.А. Арутюнова-Фиданян и дает краткое описание византийской экспансии на восток и столь же кратко описывает социально-экономический строй армянских государств Закавказья. Подчеркивая, что в ее задачи не входит решение проблемы государственного строя Армении (с. 17), она ограничивается фразой о существовании здесь “вертикальной иерархической власти, часто рвущейся к вершине, но неизменной в нижних горизонтальных слоях”. Но этого явно недостаточно для характеристики специфики социальных отношений в Армении XI в. По-видимому, в данном случае нельзя было ограничиваться ссылками на работы В. Григоряна, Р.И. Матевосяна, В. Варданяна⁵, но четко изложить авторское понимание проблемы.

Констатируя последствия византийской экспансии в Закавказье, исследовательница постулирует, что, “завладевая землями Армении, Византия не вносила сколь-нибудь существенных изменений в социально-экономическую действительность, более того, воспринимала ее реалии” (с. 19). К сожалению, данный тезис в дальнейшем не подкрепляется фактами и, сверх того, противоречит немногому, что известно нам о политике Византии на завоеванных территориях Закавказья (о чем ниже).

По мнению В.А. Арутюновой-Фиданян, «примеры связи имперских завоеваний на востоке с развитием феодальных отношений в данном регионе (при одновременном появлении новых фем, значительно отличающихся от имперских) фиксируются в “Хронографии” Маттэоса Урхайеци, точнее, во включенном в ее состав послании Иоанна Цимисхия царю Армении Ашоту III» (с. 19). Как она полагает, содержание письма свидетельствует, что после восточного похода императора “завоеванные города, как, например, Пениада, Сидон, Генисарет и Арка, управляются стратигами и становятся фемами, а пленные арабы отдаются в собственность катафрактам”. Главным для автора является то, что в Сирии и Палестине “зафиксирована новая, очевидно, уже отработанная модель феообразования” (с. 20). Тотчас же возникает вопрос – какая модель, что в ней нового, где она была отработана? Чем эти “новые фемы” отличались от “имперских”? К сожалению, данный тезис не раскрыт и ссылок на предшествующую литературу нет.

На формирование феодальных отношений в империи влиял и внешний фактор: “При продвижении Византии на восток, когда появляются новые административные округа, все еще именуемые фемами, явно создаются предпосылки для разложения фемного строя: расслоение среди стратиотов, превращение катафрактов в новую феодальную знать, сосуществующую на новых землях рядом с крупными сеньориями, уже вовсе не связанными с общинами. Таким образом, это продвижение не толь-

⁵ Например: *Григорян Г.С.* Феодальное княжество Таронских Багратидов в IX–XI вв. Ереван, 1983; *Матевосян Р.И.* Гашир-Дзорагет в X – начале XII в. Ереван, 1982; *Варданян В.* Васпураканское царство Арцрунидов. Ереван, 1969.

ко доставляло новые земли, но и радикально влияло на социальные сдвиги в империи, в особенности когда в ее малоазийских провинциях появились армянские цари и князья” (с. 20). И вновь можно повторить предшествующие вопросы. Чем отличаются новые округа от старых? Как конкретно продвижение Византии на восток “радикально влияло на социальные сдвиги в империи”?

Мы вынуждены констатировать тот очевидный факт, что все вышевысказанные тезисы постулируются, но не доказываются. Предельно беглый обзор социально-экономического положения Византии и Армении X–XI вв. недостаточен для столь широких выводов. Отметим также: гипотеза о существовании особой модели социально-экономических отношений на востоке империи была ранее сформулирована в докладах Э. Арвейлер, А.П. Каждана и Р.М. Бартикяна, Н. Икономидиса, Д. Оболенского на XIV Международном конгрессе византинистов в Бухаресте в 1971 г.⁶ Вопрос заключался лишь в том, чтобы на имеющемся материале подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

Влияние экспансии и захватов новых земель на темпы развития государства и социально-экономических отношений в нем очевидны, но их конкретизация на фактическом материале требует в данном случае его четкого и детального анализа.

Так, в свое время, имея в распоряжении один и тот же объем информации, Ж. Дедеян и автор данной статьи пришли к диаметрально противоположным выводам относительно специфики “княжеств”, образовавшихся на территории восточных фем Византии вследствие высылки сюда представителей армянских царских фамилий, получивших здесь земельные владения, титулы и посты в провинциальной администрации⁷. С тех пор количество известных источников не стало больше. Следовательно, все сделанные на их основании выводы продолжают оставаться гипотетическими, что отмечает и сама В.А. Арутюнова-Фиданян (с. 20).

По мнению Ж. Дедеяна, армянские экс-цари на территории империи приобрели статус частных лиц, войдя в состав византийской провинциальной аристократии, а их владения ничем не отличались от владений представителей последней. На наш взгляд, есть некоторые основания полагать, что в социально-экономическом, политическом и тем более в этническом плане владения экс-царей были преемниками армянских государств Закавказья, так как вместе с Багратидами и Арцрунидами в малоазийские фемы империи была депортирована и значительная часть их подданных, численность которых увеличивалась по мере расширения экспансии тюрок-сельджуков в Закавказье. Византийская администрация менее всего была склонна признавать особенности, специфику данных владений, хотя и не могла не осознавать ее.

Напомним, что после завоевания Болгарии Василий II провел ряд налоговых, административных и церковных реформ с целью нивелировать специфику завоеванных территорий, интегрировав их в состав империи, представители болгарской знати были выселены в империю и довольно быстро натурализовались, влившись в ряды византийской аристократии. Имело ли это место в Закавказье? Данных на сей счет предельно мало, но известно, что после аннексии грузинских и армянских государств здесь были созданы фемы со всеми атрибутами, им присущими, включая и страгитотские ополчения. Судя по надписям Григория Магистра Пахлавуни из Кечариса⁸, катепанов и дук Иверии и Великой Армении Иоанна Монастириота, Аарона Болгарина и Баграта Вхкаци из Ани, на население новых фем были распространены византийская налоговая система и, естественно, законодательство. В еще большей степени должна была ощущаться власть центрального правительства во владениях армянских экс-царей в Малой Азии. Юридически они несомненно являлись частными лицами, и лишь полу-

⁶ См.: XIV Congrès des études byzantines, Bucarest, 1971. Rapports, II.

⁷ См.: *Dedeyan J.* L'immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // *Byzantion*. 1975. T. XLV. Fasc. 1. P. 41–117. Ср.: *Степаненко В.П.* Армянские государства у юго-восточных границ Византии в системе международных отношений на Ближнем Востоке. XI – первая половина XII в.: Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1978.

⁸ См.: *Юзбашян К.Н.* Экскурсия в армянской надписи 1051 г. // *ПС*. 1971. 23. С. 104–112.

чение ими постов в провинциальной администрации наделяло их властными функциями. Тем не менее значительную часть их подданных составляли переселенцы из Закавказья, принесшие с собой собственные, отличные от византийских как минимум культурные традиции, в том числе и конфессиональные. Так, в столицу владений Арцруни, в Севастию, был перенесен престол армянского католикоса.

По-видимому, армянские “княжества” Малой Азии в конечном счете были бы низведены до уровня ординарных частных владений византийской аристократии. Начало этому положили репрессии против армяно-григорианского клира. Но в условиях растущей сельджукской экспансии в регионе, в конечном счете покончившей как с властью империй здесь, так и с самими “княжествами”, центральное правительство было вынуждено закрывать глаза на растущий сепаратизм армянских владетелей, стремившихся сохранить хотя бы минимальные элементы утраченной ранее государственности и считавших себя не столько подданными василевса, сколько сюзеренами армянского населения Малой Азии⁹.

С целью доказать особенности политического статуса данных “княжеств” В.А. Арутюнова-Фиданян, на наш взгляд, ошибается, выдавая точку зрения Кекавмена на статус пограничных топархов за воззрения центральных властей. Кекавмен отражает точку зрения как раз провинциальной аристократии, а приравнивать армянских экс-царей к полунезависимым топархам византийского пограничья нет оснований хотя бы потому, что они получили владения в центральных районах Малой Азии, ставших пограничными лишь в 60–70 годы XI в. вследствие сельджукской экспансии в регионе. С точки зрения византийской администрации они как раз приравнивались к провинциалам.

Следовательно, постулируемый автором тезис о характере отношений императора с потомками царя Васпуракана Сенекерима Арцруни как почти межгосударственных отношений сюзерена с вассалами (но не подданными), при всей его вероятности, остается гипотетичным. Трудность заключается в том, что одновременно с царями передали свои владения империи и переселились на ее территорию крупные феодалы, как, например, Григор Пахлавуни, получивший новые владения в Месопотамии, титул магистра и пост в провинциальной администрации. Он не был сувереном в Армении. Можем ли мы считать поэтом, как это делает В.А. Арутюнова-Фиданян, что в Византии он приобрел двойственный статус, став неким полунезависимым владетелем в рамках империи? Ясного ответа на данный вопрос нет, а для уподобления его статуса статусам армянских экс-царей нет оснований, учитывая его последующую карьеру (с. 22).

Совершенно справедливы суждения автора на то, что “в современной историографии нет исследований, специально посвященных социально-экономическим отношениям в восточной лимитрофной полосе византийской империи” (с. 22). Действительно, их нет и не может быть, так как сколь-нибудь полных сведений по данной проблеме источники не содержат.

Учитывая, что ранее анализ социально-экономических отношений в Византии и Армении не был дан, тезис исследовательницы о необходимости выяснить, “насколько империя могла и стремилась нивелировать специфику данных отношений в Армении и какова была обратная сила воздействия, т.е. насколько социально-экономические отношения в Армении влияли на положение в восточных провинциях империи” (с. 22), при всей его вероятности недоказуем¹⁰.

⁹ Показательно и сохранение представителями царских родов армяно-григорианства и защита ими “национальной” церкви от гонений со стороны византийских властей. Экс-шаханшах Ани Гагик II играл роль главы армян империи, заявив императору Константину Дуке: “Я емь венценосец, сын царей армянских, и все армяне подчиняются моим приказам” (*Маттэос Урхайеци*. Хронография / Древнеарм. текст подгот. М. Мелик-Адамян и Н. Тер-Микаелян. Арм. перевод и коммент. Р.М. Бартияна. Ереван, 1991. С. 174–175. Благодарю Р.М. Бартияна за указание на данный факт.

¹⁰ Относительно византийского влияния на социально-экономические отношения в Армении после ее завоевания империей до сих пор основными являются работы Р. Бартияна (*Бартиян Р.М.* О налогах, упомянутых в надписи магистра Аарона // ИФЖ. 1959. 4; *Он же.* Эникион в Византии и столице византийских Багратидов Ани в эпоху византийского владычества (1045–1064) // ИФЖ. 1968. 2.) и отчасти К.Н. Юзбашяна (*Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 191–213*).

В качестве примера подобных взаимовлияний (хотя к социально-экономической сфере это никакого отношения не имеет) В.А. Арутюнова-Фиданян приводит контакты Византии и известного армянского владетеля начала XII в. Васи́ла Го́ха, трактуя их как сюзеренно-вассальные отношения в рамках империи. Однако данный пример некорректен, так как рассматривать эти отношения можно только в рамках византийского ойкуменического сообщества, т.е. как отношения Византии и соседнего государства. Иными словами, это не внутримперские, но относящиеся к сфере ее внешней политики отношения¹¹. Поэтому выводы об “этериях” Го́ха как примере наличия собственных войск у провинциального феодала в Византии не обоснованы. Кроме того, что княжество Го́ха было отделено от территории империи эмиратом Данышмендов Севастии, Румским султаном и Антиохийским княжеством и не имело с ней общей границы, вряд ли корректно транспонировать на начало XI в. выводы, сделанные на материале XII в., к тому же столь нерепрезентативном.

Иначе говоря, интерпретировать структуру армии Го́ха как “этерию византийского феодала армянского происхождения” и распространять сделанные на этой основе выводы на структуру “дружин” византийской провинциальной аристократии до 1071 г. невозможно. Аналогия в данном случае не корректна, так как, судя по тексту Урхайеци, на который ссылается исследовательница, речь идет о типичной для Армении структуре азатской конницы. То есть, если и следует рассматривать Го́ха как наследника каких-либо традиций, то не византийских, но армянских. И если их сохраняет переселенец из Закавказья в 90-е годы XI в., то с большим основанием можно предположить, что они сохранились во владениях экс-царей, выселенных в Византию в 20–40-е годы того же века. Но как повлияли данные традиции на формирование “этерий” византийских провинциальных феодалов, сказать невозможно по причине отсутствия сколько-нибудь ясных сведений источников.

Существенным недостатком работы является полное игнорирование сигиллографических источников. Так, если бы автор обратился к многочисленным публикациям оных, то двойственность статуса армянских владетелей в Византии можно было бы показать на основе двух интереснейших работ В. Зайбта и Ж.-К. Шене. Первый издал печать экс-шаханшаха Ани Гагика II как “протопроедра эпи ту койтону”, мегалокомита ту ставлу, мегадуки Харсианона¹², второй – печать известного по “Хронографии” Урхайеци ишхана ишханов Татула, армянина-халкидонита, командовавшего византийским гарнизоном Мараша – в греческой надписи он назван архонтом архонтов¹³. Судя по бедности шрифта, матрицы явно были сделаны на месте, в Мараше. Ныне ясно, что титул Татула у Урхайеци – армянская калька греческого. Следовательно, на вопрос исследовательницы, “был ли Татул византийским чиновником или армянским офицером”, можно ответить, что он был византийским полководцем, направленным Алексеем Комнином в отвоеванный крестоносцами у сельджуков Мараш в 1098 г.

После утраты Византией Равнинной Киликии, захваченной Антиохийским княжеством, Мараш оказался изолированным от территории империи, и в 1104 г. Татул сдал город графу Тель Башира Бодуэну де Куртэну, возвратившись в Константинополь. Мысль о наличии в Мараше “множества азатов”, которые, по мнению В.А. Арутюновой-Фиданян, составляли этерию Татула, вызывает известные сомнения. Судя по контексту Урхайеци и наличию моливдовула, Татул был визан-

¹¹ Напомним, что княжество образовалось в 90-е годы XI в. в Приевфратье (но не в Армении!), до 1071 г. принадлежавшего Византии, затем Филарету Врахамии, сельджукам и крестоносцам. Судьбы его отрывочно известны лишь с 1097 г., а контакты с Византией имели место в 1108 г., о чем косвенно сообщает лишь Маттэос Урхайеци. В поисках союзников для борьбы с Антиохийским княжеством крестоносцев Гох вступил в контакты с имперской администрацией в Киликии, получил сан севаста и, с точки зрения империи, признал сюзеренитет василевса в рамках ойкуменического сообщества.

¹² См. *Seibt W. War Garik II. von Grossarmenien ca. 1072–1073 μέγας δουξ Χαρσιάνου? ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr. V. 2. N.Y., 1993. P. 159–168.*

¹³ См.: *Cheyne J.-Cl. Thathoul, archonte des archontes // REB. 1990. T. 48. P. 233–243.*

тийским функционером и командовал византийскими же контингентами, с которыми он пришел в Мараш и которых он увел назад в Константинополь. Ни об этерии, ни об азатах в данном контексте говорить не приходится, т.е. в первом случае независимый Гох был объявлен византийским функционером, а его армия – “этерией” провинциального феодала, во втором – Татул назван армянским владетелем с азатской конницей.

В известной степени эта неопределенность связана с тем, что в период ломки традиционных связей внутри как империи, так и ойкуменического сообщества четко определить статус того или иного политического деятеля затруднительно. Византийские функционеры превращались в независимых владетелей (Врахамий) и наоборот (Васил Тра). Случалось это неоднократно.

В целом можно констатировать, что заявленных в заглавии монографии “социально-экономических основ” новой фемной структуры в работе В.А. Арутюновой-Фиданян нет. Они и не могут быть четко сформулированы в настоящее время, так как, на наш взгляд, пока невозможно выйти за рамки существующих гипотез: данная проблема применительно к экономике восточных фем остается нерешенной по крайней мере в той степени, в какой можно было бы выявить социально-экономические основы предполагаемой “новой структуры”. Лишь по мере накопления материала станет возможным детальное исследование.

Рассматривая процесс образования и функционирования фемной структуры на востоке империи, автор различает малые “армянские” и большие “ромейские” фемы и ставит вопрос об их соотношении. Ранее применительно к феме Иверия В.А. Арутюнова-Фиданян исходила из тезиса о примате “большой” фемы. Ныне она постулирует принцип первичности “малых” фем, меняющаяся совокупность которых составляла “большую” фему каждый раз в зависимости от положения стратига на той или иной ступени византийской таблицы о рангах. В настоящее время это давно общепризнано. Но, на наш взгляд, данная точка зрения отстает излишне прямолинейно. При всем скепсисе автора к выводам К.Н. Юзбашяна, отчасти разделяемого нами, не следует впадать в другую крайность и утверждать, что “большой” фемы Тарон не существовало вообще. Традиционно основываясь только на нарративных источниках, В.А. Арутюнова-Фиданян не использует сигиллографические, в частности, изданные А. Данном моливдовулы стратигов Тарона, в том числе и Асотия, магистра и стратига Тарона¹⁴.

Действительно, Таронское княжество Багратидов постепенно инкорпорировалось в состав империи. Князья все более утрачивали свой суверенитет, превращаясь в наследственных стратигов Тарона, а затем и полностью потеряли власть в княжестве, получив владения в Халдии. Возможно, на переходный период двойственность статуса Тарона и его князя-стратига сохранялась, но печать этого не отразила, да и не могла отразить. Однако статус князя как представителя именно центральных властей империи на ней указан: Асотий – магистр и стратиг. Если это Ашот, умерший в 966 г., то он – последний стратиг Тарона из рода Багратидов.

Был ли Тарон передан Византии в 966 г.? Современник событий Степанос Таронаци отвечает на данный вопрос положительно, В.А. Арутюнова-Фиданян – отрицательно. Какова логика ее построений? В 966 г. «сыновья таронского князя участвовали в восстании Варды Склира. Историки полагают, что это были сыновья Ашота Багратиды, но не исключено, что в восстании участвовали не сыновья Ашота, а сыновья Ашота Аркаика, которые, очевидно, оставались в Тароне (и после его аннексии. – В.С.) и имели там родовые владения. Феодор Продром именуется невесту Иоанна Комнина “евфратской ветвью” и “славой Таронитов”. Она происходила из семьи Таронских Багратидов, остававшихся в Приевфратье и исповедовавших хал-

¹⁴ См.: *Dunn A.W. A Handlist of Byzantine Lead Seals and Tokens in the Barber Institute of Fine Arts // University of Birmingham. 1983. P. 33. N 8.*

кидонитство, т.е., возможно, не весь домен Таронских Багратидов отошел к Византии» (с. 28).

Автор делает два допущения: 1. Восстали не сыновья Ашота, выселенные в Халдию, но их родственники, оставшиеся после 966 г. в Тароне. 2. Невеста одного из Комнинов (вторая половина XII в.!) происходила из рода Таронитов. Поскольку она – “гроздь Евфрата”, то, по логике автора, Тарониты сохранили свои владения на Евфрате и приверженность халкидонизму. Но это – только предположения, основанные на разновременных фактах X и XII веков.

Армянские хронисты связывают аннексию Тарона со смертью князя. Высылка его сыновей в Халдию свидетельствует о том, что домициальные владения княжеской семьи также были аннексированы. Примеры этого известны для более позднего времени: переселение Арцруни в 1021 г., шаханшаха Ани Гагика II в 1044 г., царя Вананда Гагика в 1064 г. Аннексия выражалась не только в лишении сюзерена его прав, но и в обмене его личных владений на владения в Византии. И Тарониты были не просто выселены в Халдию, но получили там земельные владения и византийские титулы. Степанос Таронаци прямо называет участников восстания сыновьями князя¹⁵. Следовательно, предположения о том, что руководили восстанием иные представители рода, беспочвенны. В то же время естественно, что отнюдь не все армянские феодалы после аннексии Византией армянских государств были выселены в империю. Это было невозможно и вряд ли необходимо. Большинство их несомненно оставалось на своих местах.

Что касается “ветви Евфрата”, то закономерен вопрос, какое отношение к Византии имели приевфратские территории в XII в.? Никакого, так как после сельджукского завоевания XI в. здесь существовали различные мусульманские эмираты и армянские княжества, как показал Р. Бартикан на примере Гаврасов для XIII в.¹⁶ Но лишь на основе метафоры Продрома делать предположение о том, что Тарониты продолжали жить в Приевфратье непрерывно с середины X по XII в., нет оснований: они были известны как представители византийской аристократии по крайней мере до XIV в.¹⁷, а Приевфратье после 1071 г. в состав империи не входило, как известно, события XII в. к Тарону 966 г. никакого отношения не имели. Следовательно, выводы о том, что в 966 г. Византия аннексировала не весь Тарон, и что его восточная часть осталась под контролем армянских владетелей, неосновательны.

В свою очередь упомянутые выводы нужны автору для того, чтобы объявить “большую” фему Тарон никогда не существовавшей. По логике В.А. Арутюновой-Фиданян, если Византия аннексировала не весь Тарон, то не было здесь и большой фемы. В пользу того, полагает автор, свидетельствует и “Тактикон Икономидиса”, который «называет только четыре административных единицы – собственно Тарон, Дерджан, Хойт и Мелти. К тому же соотношение и соподчинение их неизвестно. Так входили ли Хойт и Мелти в “большую” фему Тарон?».

Лучше известны халкидонитские епархии на данных территориях. По мнению В.А. Арутюновой-Фиданян, «сопоставление данных “Тактикона Икономидиса” и “Нотии епископатуум” позволяют уточнить количество военно-административных округов на территории княжества Тарон». Она уверенно перечисляет: «Сопоставление данных Тактикона о стратигах Тарона, Дерджана, Хойта, Мелти и других (каких? – В.С.) с номенклатурой халкидонитских епархий позволяет утверждать, что

¹⁵ Всеобщая история Степаноса Таронского. Асолика по прозванию, писателя XI столетия / Переведена с арм. и объяснена Н. Эмином. М., 1864. С. 134.

¹⁶ См.: Бартикан Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. Ч. 1. Вып. 3; 1987. Ч. 2. Вып. 4; 1988. Ч. 3. Вып. 1.

¹⁷ Здесь в качестве параллели можно привести свидетельство Пселла о Константине Далассине, жене императрицы Зои, которого он называет “происходящим из знаменитой местности Даласса” (*Михаил Пселл. Хронография* / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978. С. 72). Конечно же, сам Константин не имел к Далассе на Евфрате прямого отношения: это была родина его предков (отмечено А.С. Моховым).

халкидонитские епархии дислоцировались в стратигиях, полностью отвечавших представлению о “малых” армянских фемах (город и крепость с округой)» (с. 29). Но нужно еще доказать, действительно ли каждый раз халкидонитской епархии соответствовала фема. В этом случае можно спросить, уверенно ли локализуется епархия в Хойте и в чем причина ее отсутствия в Мелти?

Напомним: по данным послания Цимисхия Ашоту III, Тароном и Дерджаном правил протоспафарий Лев, а во время восстания Склира обе фемы контролировал магистр Чортванел. По мнению К.Н. Юзбашяна, сведения “Тактикона Икономидиса” “исключают возможность объединения Тарона и Дерджана в одно административное целое”¹⁸. Но этот вывод отнюдь не окончателен. Сплошь и рядом под контроль стратига передавались две и больше фем. Поэтому существование объединенной фемы Тарона и Дерджана, судя по письму Цимисхия, столь же (если не более, раз уж об этом сообщает источник) вероятно, сколь и их самостоятельное функционирование¹⁹.

Таким образом, в настоящее время нет сколько-нибудь полной информации относительно структуры конкретных “больших фем”²⁰, как это видно на примере Тарона. Поэтому любые заключения, сделанные на данном материале (и тем более – на материале нарративных источников), являются предельно гипотетичными и не могут претендовать на окончательность. Более того, недавняя публикация В. Зайбта, первоначально принятая отнюдь не однозначно, внесла существенные коррективы в устоявшиеся представления о “малых” фемах²¹. 25 изданных им печатей принадлежат функционерам “армянских” фем, причем большинство из них – протоспафарии, титул относительно низкий для XI в., а сами фемы анонимны, так как, по мнению издателя, “армянская фема” здесь – технический термин, используемый для обозначения статуса фемы, но не ее названия, как полагает В. Зайбт, моливдовулы принадлежат стратигам именно отдельных городков, под контролем которых были незначительные территории и еще менее значительные военные силы, а также иным функционерам данных фем. Показательно, что ни одна из печатей не содержит указания на пост стратига, хотя стратиги несомненно были среди их обладателей.

Следовательно, можно констатировать, что в настоящее время возможны лишь четко оговоренные гипотезы относительно структуры “больших” фем и не более того. Согласно самой В.А. Арутюновой-Фиданян, Иверия “изначально была искусственно созданной общностью обширных областей, удаленных друг от друга территориально и не слишком близких экономически” (с. 30).

Исследование функции должностных лиц в фемах, включая их стратигов, после работы Э. Арвейлер продвинулось незначительно, если нам более или менее известны их нормативные права, то лишь каждого конкретного должностного лица, поскольку объем этих прав, как кажется, при каждом конкретном назначении был индивидуален. В этой связи ранее высказанное В.А. Арутюновой-Фиданян мнение о соправительстве в феме стратигов и присланных из центра лиц было бы вполне приемлемым, если бы оно тогда же не было убедительно опровергнуто Р.М. Бартия-

¹⁸ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов... С. 176.

¹⁹ Отметим, что Скилица называет Варду Фоку, племянника императора, дукой Халдии и Колонии в 969 г. (Ioannis Sculitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci. 1973. P. 284. 13). В том же году Евстафий Маленин был стратигом Антиохии и Ликанда, судя по его надписи на Аахенском реликварии (см.: *Sauners W.B.R. The Aachen Reliquary of Eustathius Maleinus (969–970)* // DOP. 1982. Vol. 36. P. 211–219).

²⁰ Так, например, судя по опубликованной В. Зайбтом печати магистра и катепана Карса Феодора, Вананд в 1065 г. стал, по крайней мере на некоторое время, самостоятельной фемой, но не частью Иверии (см.: *Seibt W. 'ԱրսակիճԵՍ // Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten* // JÖB. 1994. Bd. 44. P. 356).

²¹ См.: *Seibt W. 'Արմենիկն թէմատն als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts* // Byzantium and its neighbours. From the Mid-9th till the 12th Centuries. Papers Read at the Byzantinological Symposium Bechyně 1990. Prague, 1993. P. 135–141.

ном²². К сожалению, в монографии воспроизведена аргументация статьи автора 1974 г.²³ без попытки опровергнуть доводы оппонента...

Действительно, в чрезвычайных обстоятельствах, в частности, при ведении военных действий на границе конкретной фемы или нескольких фем стратиг или стратиги в военном отношении подчинялись доместику схол, стратилату, стратопедарху, в данном случае – Востока, что было обычной практикой в то время. Но это были экстраординарные случаи, и подчинение стратигов было ограничено лишь военной сферой, как показал Р.М. Бартикян²⁴.

Утверждение автора, будто после 1057 г. Константин Мономах распустил 50-тысячное войско фемы Иверия (с. 34), представляется нам ошибочным. Автору осталась неизвестной публикация Икономидисом печати Михаила Катафлорона, императорского куратора Манцикерта и Внутренней Иверии. Как бы ни датировать печать, она явно относится к императорской куратории, охватывающей не всю фему, но лишь ее часть. В этой связи представляется убедительным предположение К. Юзбашяна: реформа Сервлия, явившаяся причиной роспуска фемного ополчения, произошла до присоединения к Иверии территории Ширак-Анийского царства и на нее не распространялась. Таким образом, утверждение, что накануне сельджукских набегов вся фема осталась без стратиотского ополчения и ее защищали “этерии армянских феодалов и гарнизон ее столицы Ани”, на мой взгляд, бездоказательно (с. 34)²⁵.

Обращаясь к Васпуракану, В.А. Арутюнова-Фиданян во многом опирается на свои работы, изданные в 1977 г. Вряд ли можно согласиться с ней в том, что автор памятной записи армянской Минеи XIII в. более сведущ в событиях 1021 г., нежели их современники. В основе записи лежат смутные представления о славном прошлом Васпуракана, окрашенные чувством местного патриотизма. Отсюда явное преувеличение как размеров Васпуракана, так и степени влияния его царя на соседние государства, в том числе и на арабские эмираты, что для XI в. при явном преобладании Тебриза во главе с Раввадидами является нонсенсом²⁶.

Утверждение, что Сенекерим Арцуруни к 1021 г. в какой-то степени обладал сюзеренитетом над арабскими эмиратами Харка и Пахуника, лишено основания. Фактов, подтверждающих это, нет. Так, известно, что по меньшей мере Манцикерт и Хлат принадлежали эмирату Мерванидов Диарбакра, у которого их отвоевывал в конце X в. первый Багратид Давид Куропалат. Иными словами, у нас больше оснований согласиться с мнениями Э. Хонигмана и Ж. Маркварта, отрицавших достоверность сведений записи Минеи.

Для определения принадлежности той или иной местности Васпуракану исследовательница ссылается не на источник, а на мнения предшественников, например, С.Т. Еремяна. Ни в коей мере не желая умалить его заслуг в исследовании географии древней и средневековой Армении, мы хотели бы отметить: в данном случае ссылки на мнение, пусть даже столь авторитетное, недостаточно, необходима опора на источ-

²² См.: Бартикян Р.М. О феме Иверия // ВОН. 1974. № 12. С. 76–79.

²³ Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские правители фемы Иверия. С. 65–66, 77.

²⁴ В этой связи показательна судьба Эрве-Жерве, фигурирующего в византийских источниках как Франгопул. В книге В.А. Арутюновой-Фиданян он – “некий Франгопул” (с. 33–34, 81, 118, 119, 120, 139). Более того, он включен в список функционеров фемы Иверия (с. 81). Его печати как магистра и стратилата Востока изданы еще Г. Шломберже (см.: Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe // RH. 1883. Juillet. См. о нем также: Janin R. Les Francs au service des Byzantins // EO. 1930. T. 39. P. 64–65 (примечание А.С. Мохова).

²⁵ Желательно уточнить, кто же командовал фемой в 1057 г., так как Аарон Болгарин в это время при Никее сражался с войсками своего родственника и претендента на престол Исаака Комнина, защищая Михаила VI. Следовательно, вопреки утверждениям исследовательницы (с. 33), во время мятежа Иванэ Орбелиани он мог и не быть в Ани. К тому же, по мнению В.С. Шандровской, к этому времени он был дукой Эдессы (см.: Шандровская В.С. Невзвестные печати Аарона, магистра и дуки Иверии и Великой Армении, проедра и дуки // СГЭ. 1973. Вып. 37. С. 63).

²⁶ См.: Minorsky V. Studies in Caucasian History. L., 1953.

ник, поскольку не все исследователи согласны с С.Т. Еремянном. Далее, вряд ли корректно использовать применительно к XI в. легендарные сведения Псевдо-Шапуха Багратуни, относящиеся к гораздо более раннему времени. Так, даже если принять тезис исследовательницы о вхождении территорий Азербайджана в состав царства Арцруни при Гагике I, то нужно доказать и их принадлежность ему столетием позже.

Констатируя, что одновременно с Сенекеримом свои владения в стране передал Византии его племянник Дереник, В.А. Арутюнова-Фиданян вновь прибегает к аналогии: “Очевидно ... также должен был поступить и владетель Мокка” (с. 38). Но это отнюдь не очевидно, ведь князь Мокка Априник участвовал еще в первом мятеже Варды Склира в 966 г. Если учесть, что его поддержали все недовольные, в том числе “сыновья князя Таронского Григор и Баграт”²⁷, то становится ясно: князь Мокка в той или иной степени зависел от Византии²⁸.

Из известных нам сведений о том, как, когда и при каких обстоятельствах вошел в состав империи г. Арцке на берегу оз. Ван, также отнюдь не следует, что “мы можем предположить, будто правитель Арцке признал волю своего сюзерена”, т.е. Сенекерима Арцруни и передал город Византии. Это также не более чем гипотеза. Следовательно, и уверенный вывод исследовательницы: “Итак, к 1034 г. катепанат Васпуракан граничил”, также гипотетичен. Здесь же на основе недоказанного тезиса о тождестве халкидонитских епархий с “малыми” фемами уверенно реконструируется состав “большого” катепаната Васпуракан, что также крайне спорно.

В целом можно констатировать, что в настоящее время проблема границ византийских владений в Закавказье (и тем более отдельных фем) может быть поставлена, но вряд ли окончательно разрешена при том объеме информации, которой мы располагаем.

Утверждение автора о наличии в Васпуракане “армянских военных сил” проблематично. Никто и никогда не отрицал того, что армянские феодалы, не покинувшие страну вместе с Сенекеримом Арцруни, сохранили свои владения, а с ними – отряды вассалов-азатов. Нечто подобное имело место и в Тао, где после аннексии владений Давида Куропалата Византия еще долго производила обмены владений местных феодалов на земли внутри границ империи²⁹.

Предположение о службе армянских князей Васпуракана в Византийской империи, вполне допустимо. Но в этом случае необходимо четко определить их статус. В качестве примера участия местного владетеля в военных действиях на стороне Византии против мусульманских эмиров исследовательница приводит некоего Гандзи, которого Аристокэс Ластивертци называет армянским князем³⁰. К сожалению, данный пример единичен и небеспорен. И вряд ли правомерна интерпретация сообщения Скилицы, что катепан Васпуракана Стефан Лихуд послал против сельджуков “местное войско”, как свидетельство того, что речь идет об “этериях” местных феодалов. Это могли быть и стратиготы, и азаты на службе империи, т.е. толкование может быть отнюдь не однозначным.

Уместно привести здесь широко известные данные: один из противников Византии спарапет Ширак-Анийского царства Васак Пахлавуни сразу же после захвата Ани Византией, будучи уже у нее на службе, погиб при осаде принадлежавшего ему эмирату Шаддаидов Двина. Как трактовать статус Васака и возглавляемых им войск? Как армии Ширак-Анийского царства? Но его уже не существовало. Как фемных

²⁷ См.: Всеобщая история Степаноса Таронского... С. 134. Кстати говоря, хронист называет Таронитов сыновьями князя, что делает беспочвенными все иные предположения. Таронитов действительно было много, но князь – один.

²⁸ См.: *Seibt W. Ταξίαρχος Μωξήνας – ein byzantinischer Kommandant um Mokka im die Mitte des 11. Jahrhunderts?* // *Handes Amsorya*. 1993. 107. S. 145–148.

²⁹ См.: “Повествование” вардапета Аристокэса Ластивертци / Пер. с др.-арм. и коммент. К.Н. Юзбашьяна. М., 1968. С. 70; Матиане Карглиса / Пер., введ. и примеч. М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. С. 46.

³⁰ Так, К.Н. Юзбашьян отождествлял Гандзи с Хрисилием (Повествование вардапета Аристокэса Ластивертци. С. 153. Примеч. 15). Но в более поздней работе он отказался от этого (Армянские государства... С. 180).

ополчений Иверии, в состав которых вошел Ширак? Но там был свой катепан.

Нам не известны условия, на которых часть армянской знати оказалась на имперской службе. Видеть в этом специфику византийских лимитрофных областей на Востоке вряд ли возможно, так как это имело место и в Болгарии после ее аннексии империей к 1018 г. Часть местной аристократии, в том числе и представители царской семьи Владиславичей, оказалась на имперской службе, а армия – переведена на восток. О каких “феодалных тенденциях, привнесенных армянскими владетелями в управление ее восточными провинциями”, может идти речь в данном случае? И чем они отличаются от тех же тенденций, присущих византийскому обществу того же времени, или от тенденций, “привнесенных” балканскими или итальянскими феодалами, памятуя о существовании фем и на Балканах, и в Италии?

Ответа на данный вопрос автор не дает. На наш взгляд, речь может идти лишь об общих тенденциях, присущих всей Византии второй половины XI в., как ее восточным, так и западным провинциям. Возможно, различие было лишь в темпах их развития, но на имеющемся материале доказать это пока не представляется возможным. К тому же нет ни малейших оснований приписывать “привнесение” данных тенденций только армянским владетелям, включая в их состав имевшего лишь далеких армянских предков Феодора Гавру (с. 42).

К сожалению, автору остались неизвестны работы Ж.-К. Шене, В. Зайбта, реконструировавших *cursus honorum* Филарета после 1071 г.³¹ Но и ныне неизвестно, на каком посту застал Врахамия Манцикерт. Поэтому утверждение, что он был “великим доместиком Востока”, – не более, чем гипотеза, которую желательно было бы оговорить. Единственный автор, называющий Филарета доместиком, и автор более поздний – Анна Комнина. Сфрагистический материал этого пока не подтверждает³².

Утверждение, что в своей политике Филарет пользовался поддержкой армянского населения (со ссылкой на наше мнение³³), ошибочно. Мы как раз в отсутствии упомянутой поддержки и в стремлении Врахамия до последнего момента ориентироваться на Византию видим причину краха созданного им удела. Утверждение же автора о поддержке Филарета армяно-халкидонитским этносом (кто это? Корректен ли термин?) нуждается в аргументации, так как известны лишь ближайшие сподвижники Врахамия, которых можно пересчитать по пальцам.

В заслугу Филарету ставится “умелое использование им новой структуры, созданной в регионе”. О какой новой структуре может идти речь, если ничего не менялось и лишь во главе фем ставились верные Врахамию люди – Торос, затем Гаврил в Мелитене, Васил в Эдессе. Все они в прошлом византийские функционеры, и сменили они в руководстве фемами ставленников центрального правительства, как это известно на примере Эдессы.

В распоряжении Врахамия находились византийские контингенты, по-видимому, оставленные Диогеном для защиты восточной границы накануне Манцикерта. Только этим можно объяснить присутствие в его армии восьмитысячного контингента наемников франков. Как попытку Филарета опереться на эмигрантов и депортантов из Закавказья можно рассматривать лишь его настойчивое стремление поставить под свой контроль армяно-григорианскую церковь, создавая марионеточные католикосаты на своей территории. Но итоги известны: ни один из этих католикосатов не пережил распада удела Врахамия.

Все свои заключения относительно объема прав Филарета на востоке В.А. Арутюнова-Фиданян основывает на его доместикате к 1071 г. Как мы уже отметили, ссылка на Анну Комнину некорректна, ибо это лишь одно из трех (см. также Скили-

³¹ Наиболее полная публикация: *Cheyne J.-Cl., Vannier J.-F. Etudes prosopographiques*. P., 1986.

³² См.: *Шандровская В.С.* Эрмитажные печати Филарета Врахамия // ВОН. 1975. № 3. С. 39. В список крепостей, контролируемых Филаретом, по недоразумению попал Джахан. Это не крепость, а район с центром в Абласте.

³³ *Степаненко В.П.* Государство Филарета Варажнуни (Врахамия). 1071–1086 // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 86–103.

цу и Зонару) свидетельств относительно его статуса. Рассуждения о том, что “доместикат Востока занимал особое место в управлении восточными провинциями Византии” (с. 43), могут быть приняты при том условии, что то же будет сказано о доместикате Запада применительно к западным провинциям.

Утверждение, что «с 90-годов X до начала XI в. звание доместика Востока носят правители Антиохии, иными словами, что термин “Восток” включает в себя и понятие об “Антиохийской феме”» (с. 44), к сожалению, ошибочно. В результате автор объявил доместиками схол Востока людей, никогда ими не бывших, например, Михаила Вурцу, Дамиана и Константина Далассинов. Основанием для признания доместиками двух последних явилась фраза Яхьи о том, что Дамиан получил “управление Востоком” (с. 33) и что неизвестный панегирист назвал Константина “владыкой восточной земли”. Но оба раза здесь подразумевалось только управление Антиохией. Поэтому ни один из них не был учен Р. Гийаном в его списке доместиков³⁴.

Специально занимавшийся просопографией рода Вурц Ж.-К. Шене также не считал Михаила доместиком, не имея на то объективных данных³⁵. По сфрагистическим данным, доместиком схол и дукой Антиохии был проедр Константин, брат Михаила IV³⁶, а стратопедархом Востока и дукой Антиохии – проедр Роман Склир³⁷. Так что связь Антиохийского дуката с восточным доместикатом весьма условна, как, впрочем, и иверийского. Временами стратиг Антиохии действительно получал пост (но не звание) доместика Востока или доместика схол Востока. Но это было явление экстраординарное, связанное с ситуацией на границе³⁸.

Из 39 ученных дук и катепанов Антиохии только два были доместиками. Таким образом, утверждение, что “доместик заменял правителя фемы или дублировал его функции”, лишено основания. Доместик схол Востока никогда не “становился во главе всех восточных территорий Византии, находившихся в разной степени зависимости от империи (прямое влияние или признание сюзеренитета)”. Его функции были более узкими и по преимуществу ограничивались (в зависимости от объема прав) руководством тагмами, фемными контингентами, возглавляемыми стратигами, возможно, и войсками имперских вассалов³⁹.

К сожалению, столь же ошибочно и утверждение, что этот пост (не титул!) занимали правители Иверии. Никаких данных в пользу этого исследовательница не приводит⁴⁰. К тому же стратиг-автократор и доместик – разные посты, которые нельзя смешивать, как, впрочем, и посты стратилата Востока и стратопедарха Востока.

В целом можно констатировать, что за прошедшее время воззрения В.А. Арутюновой-Фиданян по военным проблемам мало изменились и в ее последней итоговой работе повторяются выводы статьи 1982 г.⁴¹ Но за последние годы появилось

³⁴ *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines*. 1. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 448–450.

³⁵ *Cheyne J.-Cl., Vannier J.-F. Etudes prosopographiques*. P. 18–24.

³⁶ *Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. T. 1. Wien, 1978. S. 125–128. N 35.

³⁷ *Seibt W. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigilliaraphische Studie*. Wien, 1976. S. 82.

³⁸ Следует отметить, что Мелиас, упомянутый исследовательницей на с. 16 как доместик схол Востока в 974 г., и Мелиас – основатель фемы Ликанд (934) – разные люди. Первый впервые упоминается в 917 г. как участник битвы с болгарами при Ахелос (Продолжатель Феофана. *Жизнеописание византийских царей* / Изд. подготовил Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 162). Он никак не мог принимать участие в сражениях с арабами в 70-е годы X в. См.: *Thierry N. Un portrait de Jean Tzimiskès en Cappadoce* // ТМ. 1985. Т. 9. P. 477–489 (отмечено А.С. Моховым).

³⁹ См.: *Kuhn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organization der Tagmata*. Wien, 1991.

⁴⁰ По-видимому, Баграт Вкхаци попал в список доместиков схол Востока по ошибке (см.: *Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу о термине “Восток”... С. 137, таблица*). Появление в списке Григория Пакуриана также ошибочно. Доместиком схол Востока после Манцикерта был назначен Андроник Дука. Его моллидовулы как протопроедра, протовестиария и доместика схол Востока см.: *Zacos G., Vegler A. A Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. I. Pt. 3. P. 1471–1473. № 2793a, b – с датировкой нахождения на этом посту, со ссылками на источники, до 1073 г., т.е. Пакуриан в те же сроки никак не мог быть доместиком схол Востока.

⁴¹ *Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу о термине “Восток”... С. 122–123.*

много нового материала. Ориентация только на сведения нарративных источников приводит к тому, что “Востоком” объявляется то фема Иверия⁴², то фема Антиохия, то все восточные феми.

Стремясь выявить терминологию, характеризующую “новую структуру” на востоке империи, автор анализирует термины, которыми хронисты называют территории, в то или иное время входившие в состав Византии. По-видимому, армянских авторов, называвших армянские государства, аннексированные Византией, царствами, не следует принимать в расчет, хотя ашхарт – страна или земля, территория. Автора удивляет, что столь же многозначен и термин “хора” в “Об управлении империей” Константина Багрянородного, в частности, применительно к Таронскому княжеству Багратидов (с. 43).

Из изложения В.А. Арутюновой-Фиданян следует, что для Константина Багрянородного “хора” – это территория (“О хоре Апахунис и крепостях Манцикерт и пр.”), иногда – владение (“своя хора”) применительно к владениям Багратидов Тарона, наконец, небольшой район с крепостью (“хора крепости Артануджи”). Однако, вопреки мнению исследовательницы, толкование значения термина “хора” в произведениях византийских авторов в каждом отдельном случае предельно субъективно. Не всегда можно четко определить, что подразумевает автор под “хорой” – фему или территорию. К тому же, если следовать логике автора, “новая структура” появляется на востоке уже к середине X в., т.е. по крайней мере до 70-х годов XI в. сосуществует со старой. Но в таком случае желательнее провести четкую грань между терминами, применяемыми современниками для обозначения “старой” и “новой” структур. Не окажется ли, что под ними подразумеваются давно известные “армянские” и “ромейские” феми? Так как этого не сделано, то утверждения исследовательницы относительно связи этой “новой структуры” с данной терминологией остаются гипотетическими.

Приводя в качестве примеров цитаты из Атталиаты, В.А. Арутюнова-Фиданян полагает, что он “четко различает территориально и идеологически собственно византийские территории и земли на Востоке, хотя они и принадлежали империи и в них находились ее наместники и гарнизоны” (с. 49). Возникает закономерный вопрос: в чем отличие первых и вторых? Судя по цитируемым текстам, речь в них идет лишь о том, что сельджуки разграбили “счастлиную Иверию, а также расположенные рядом Халдию, Мелитену и Колонию”⁴³, а само сельджукское завоевание было следствием Божьего гнева против еретиков, населяющих Ивирию и Месопотамию до Ликанда и Мелитены: армян, иудеев, исповедующих несторианскую и акафолическую веру⁴⁴. Смысл последнего отрывка ясен: феми разграблены потому, что их населяют еретики. Но следует ли из этого, что Атталиат “знает, что существуют земли, подвластные ромеям, но отличающиеся от исконно византийских земель: это территории от Иверии до Месопотамии (т.е. земли Великой Армении, Иверии, Васпуракана, Тарона и части Месопотамии до Ликанда и Мелитены)”?

Возникает вопрос: какие византийские феми считать исконными, а какие нет? Каковы критерии исконности? Этническая принадлежность населения? Вряд ли оно всюду было гомогенным. Различия в социальной и административной структуре? Но это нужно доказать. Остается одно – конфессиональные различия. Но достаточно ли этого для заявления о различиях между “старыми” и “новыми” фемиами, учитывая, что часть перечисленных восточных фем как раз относится к старым, основанным еще в IX–X вв. – Мелитена, Месопотамия, Колония, Халдия⁴⁵. К тому же ни о Тароне, ни о Васпуракане, ни, наконец, о Великой Армении и речи в данных пассажах нет. А сама фема Иверия в конфессиональном плане (что всегда подчеркивала

⁴² Это утверждение К.Н. Юзбашяна в свое время было обоснованно отвергнуто В.А. Арутюновой-Фиданян. См.: Юзбашян К.Н. Армянские государства... С. 185, 193. Ср.: Арутюнова-Фиданян В.А. К вопро

⁴³ Michaelis Attalioae Historia. Bonnæ, 1853. P. 78, 9–11.

⁴⁴ Ibid. P. 96. 22–97.5.

⁴⁵ Так, Колония известна как фемиа и дукат уже с 863 г.

В.А. Арутюнова-Фиданян) отнюдь не вся была населена еретиками, ибо в ее грузинской части преобладало православное население, в том числе и армяне-халкидониты. Поэтому вывод о выделении Атталиатом «новых “хор” и территориально, и идеологически» (с. 49) представляется нам необоснованным. Но если уж он делается, то желательно было бы четко показать, в чем же конкретно заключаются “территориальные и идеологические” отличия этих новых “хор” от старых.

Проблема же эволюции византийской провинциальной административной системы не снята. Соотношение “больших” и “малых” фем известно лишь в самых общих чертах. Показать это на конкретном материале достаточно трудно. При этом зачастую невозможно в каждом конкретном случае четко определить объем и характер функций стратига⁴⁶.

Исследовательница ищет и находит термин “хора” в трудах иных византийских хронистов, полагая при этом, будто они также различают “западные и восточные хоры”. Однако ссылка на Кекавмена неудачна, так как он пишет о хоре не только Иверии, но и Алеппо, который в состав империи не входил. К тому же именно Кекавмену как раз известны восточные и западные хоры, а это противоречит постулату исследовательницы: “У этого автора о хорах речь заходит в связи с восточными фемами” (с. 50)⁴⁷. Предлагаемое толкование вряд ли может быть принято.

К сожалению, лексика каждого хрониста настолько индивидуальна, что сделать на основе ее частичного анализа сколько-нибудь однозначные выводы довольно рискованно. Здесь необходим фронтальный анализ соответствующей лексики как можно большего количества источников, желательно, принадлежащих к одной эпохе. В настоящее время данный вопрос остается открытым и требует методологически совершенно иного подхода.

Этноконфессиональная ситуация на востоке империи всегда была сложной. Поэтому вполне закономерны попытки исследовательницы дать ее детальный анализ и выявить “этническое своеобразие контактной зоны”, которое, по мнению автора, состоит в том, что “в армяно-византийской контактной зоне в основном соприкасались два главных этнических массива – армяне и греки. Византия, вопреки некоторым гипотезам, не стремилась эллинизировать аннексированные территории, однако ее присутствие ощутило усиливало размеры и влияние армянской православной общины. Не этнические, но конфессиональные перемены явились главным итогом образования армяно-византийской контактной зоны” (с. 56).

Данные постулаты имеют право на существование, но в качестве выводов, обобщающих анализируемые материалы, а не предваряющих их. К тому же было бы желательно четко определить, какой смысл вкладывается в столь сложное понятие как “эллинизация”⁴⁸.

К сожалению, предложенное исследовательницей решение проблемы “Армяне-халкидониты – историко-культурный феномен контактной зоны” представляется

⁴⁶ См., например: *Cheynt J.-Cl. Devaluation des dignités et dévaluation monétaire dans le seconde moitié du XI siècle // Byz. T. LIII. Fasc. 2. 1983; Idem. Du stratège de thème au duc. P. 181–194. Мнение относительно жесткости функций катепана и дуки традиционно. Так, В.С. Шандровская издала моливдовулы Никифора Мелиссена как магистра и катепана Триадицы и магистра и дуки Триадицы (см.: *Шандровская В.С. Некоторые исторические деятели “Алексиады” и их печати // ПС. 1971. 23. С. 39. Но не исключено, что изменение статуса фемы и соответственно ее правителя, было связано с какими-то неизвестными нам причинами и повлекло за собой изменение объема его прав и функций (?)*.*

⁴⁷ Отмечу противоречие в пределах одной 50-й страницы текста В.А. Арутюновой-Фиданян. Сначала утверждается, что Кекавмен пишет о фемах применительно к Западу, а о хорах – применительно к Востоку. Но ниже сказано: «Кекавмен советует василевсу посещать подвластные ему “хоры”, восточные и западные», на стк. 19: “ромейские фемы и хоры иноплемennиков”, на стк. 27: “хоры и фемы”. Так что понятие “хора” и в лексике Кекавмена отнюдь не однозначно.

⁴⁸ Но как в таком случае можно расценить отношение византийских властей к сирийскому яковитскому клиру, организовавшему заселение районов Мелитены, Лариссы и Каллисуря при гарантии сохранения сирийцами вероисповедания, а затем подвергнутому репрессиям, а паства – насильственному обращению в православие (см.: *Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d' Antioche (1166–1199) // Ed. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. 3. P. 130–132, 135, 140–147.*

нам некорректным. Начинается оно с указания на роль Н.Я. Марра “в извлечении армян-халкидонитов из области легенды” и завершается общим очерком истории халкидонизма в Армении преимущественно до X в. (с. 58–64). К проблемам собственно контактной зоны это не имеет прямого отношения. Тем более, что речь здесь должна идти как минимум о двух контактных зонах, а именно армяно-грузинской в Закавказье и армяно-греческой вдоль восточной границы Византии, существовавших параллельно. При этом желательны четко развести два диаметрально противоположных процесса: экспансию православия на восток в связи с византийскими завоеваниями в регионе и сохранение и возникновение армяно-григорианских епархий в районах, населенных или заселявшихся преимущественно армянами в ходе этой экспансии, о чем пишет Степанос Таронаци.

Сохранение или утрата населением контактной зоны национальных традиций – вопрос достаточно актуальный и трудно поддающийся исследованию даже без учета возникающих при этом деликатных околонучных проблем. В исследовании данного вопроса также существуют значительные пробелы, имеющие как объективные, так и субъективные причины. Пожалуй, нигде это обстоятельство не сказывается так ярко, как в подходах к определению этнокультурной принадлежности лиц, причисляемых к этой группе населения.

И постановка проблемы “Культура армян-халкидонитов и ее политические проявления” поэтому вполне логично начинается с констатации В.А. Арутюновой-Фиданян того, что до сих пор не было специально исследовано этническое самосознание армян-халкидонитов. Закономерна и цель автора: “Исследование этноконфессионального самосознания армян-халкидонитов, равно как и представлений о них соседних народов, т.е. исследование соотношения этнонимов и этниконов этой группы может стать тем методом, который даст возможность выявить ее особенности и обосновать существование преемственной связи армян-халкидонитов в Армении и сопредельных с нею регионах” (с. 65)⁴⁹.

В качестве основного признака, определяющего представителей этой группы армян, является православие. Действительно, в средневековье конфессиональная принадлежность играла весьма существенную роль, не только сосуществуя с этническим самосознанием, а часто будучи его составной частью (противопоставление истинноверующих иноверцам). Но поскольку в работе не было четко проведено размежевание армян-халкидонитов грузинской и греческой ориентации, то свидетельств об их положении и отношении к ним единоверцев и иноверцев, предстает в книге как подборка цитат, относящихся и к первым, и ко вторым. Приводимая здесь знаменитая цитата из “Жития” Григория Хандзтели относительно Грузии, как это показал еще в 1981 г. Н. Ломоури и как это известно автору, никакого отношения к армянам-халкидонитам не имеет⁵⁰. Тем не менее рассуждения на сей счет воспроизводятся так, как если бы мнений оппонента вообще не существовало.

Согласно В.А. Арутюновой-Фиданян, “единоверцы армян-халкидонитов... отрицали армянский язык в качестве языка богослужения, а это заключало в себе угрозу потери армянами-халкидонитами этнического своеобразия, так как в средние века атрибуты народности – язык и письменность переносились на конфессиональное единство” (с. 67). Фраза не совсем понятна, поскольку от утраты языка до потери этнического своеобразия предельно далеко, ибо этническое единство – это также совокупность присущих данному этносу черт материальной и духовной культуры, быта, психологических характеристик⁵¹. Создается впечатление, что требование вести богослужение на греческом языке исходило от государственной церкви и только в

⁴⁹ Последняя работа исследовательницы не внесла ясности в данный вопрос, так как приведенная в ней аргументация основана на разновременных данных, к тому же в значительной степени относящихся не к византийской аристократии армянского происхождения, а к армянам-халкидонитам вообще. (Арутюнова-Фиданян В.А. Этноконфессиональное самосознание армяно-византийской знати в XI–XII вв. // Элита и этнос средневековья. Сб. ст. М., 1995. С. 178–188).

⁵⁰ См.: Ломоури Н. К истории грузинского Пестрицонского монастыря. Тбилиси, 1981. С. 64.

⁵¹ Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1981. 1. С. 165. Примеч. 9.

рамках империи⁵², ибо в соседних государствах, принявших православие от Византии (при том, что верхушка клира еще долго оставалась греческой, например на Руси), богослужение изначально велось на местных языках.

Группы армян-халкидонитов, оставшихся на территориях, утраченных Византией после 1071 г., о чем свидетельствуют их богослужебные книги, как это показал Р.М. Бартикян, вернулись к армянскому языку. Переселенные в 1924 г. из Приевфратья в Грецию армяне-халкидониты сохранили родной язык во многом потому, что он оставался языком богослужения, но этнически они продолжали и продолжают оставаться армянами, хотя ассимиляционные процессы и здесь несомненны. То есть речь должна идти не об этнической, а о культурной ассимиляции. Ее темпы не были одинаковыми для представителей различных социальных категорий армянского общества. Но общим было требование вести богослужение соответственно на грузинском и греческом языках. К тому же естественным условием приема на грузинскую и византийскую государственную службу было знание данных языков – и не только для армян.

Предельно быстро проходила культурная ассимиляция представителей правящих кругов. Поэтому зачастую установить их происхождение можно с трудом, как это показал Р.М. Бартикян относительно потомков Гнуни в Византии⁵³. В то же время для большинства армян, переселявшихся в восточные фемы Византии и ведших жизнь частных лиц, принятие православия было менее актуальным. Здесь существовали и епископии “национальной” церкви при всей сложности отношения к ним центральных властей⁵⁴. Итак, не только темпы утраты национальной самобытности вследствие принятия православия для различных слоев армянского населения Византии были различными, а последствия этого – не столь однозначными.

К сожалению, аргументы в пользу армянского или грузинского происхождения того или иного византийского деятеля, особенно если он родом из Тао с его смешанным грузино-армянским населением, достаточно неопределенны и не дают возможности для его уверенной этнической идентификации.

По мнению автора, «армяне-халкидониты использовались православной церковью для обращения в “истинную веру еретиков” и для переводческой службы». При этом они трактуются в качестве гомогенной группы, не разделенной как минимум на две фракции. Поэтому и здесь сведения об армянах-халкидонитах в Грузии и Византии подобраны без должной дифференциации: данные об армянах Грузии перемежаются с известиями об армянах на Черной горе около Антиохии.

К сожалению, толкования исследовательницей термина “Ивир”, воспроизведенные в книге близко к тексту ее статьи 1979 г.⁵⁵, несмотря на убедительную критику Н. Ломоури, не аргументированы новыми данными. В частности, остаются беспочвенными утверждения, что армяне-халкидониты назывались в Византии “ивирами”, поскольку были уроженцами фемы Иверия. Данный термин мог обозначать как уроженца Грузии (Иверии) или имевшего грузинских предков, так и армянина-халкидонита, адепта грузинской церкви (многочисленные Ивиры или Ивирицы в составе византийской аристократии⁵⁶).

Византийские авторы часто не знали этническую принадлежность тех или иных деятелей на имперской службе, называя их “ивирами”, и лишь в редких случаях от-

⁵² По-видимому, излишне напоминать, что в Византии церковь была тесно связана с государством и принятие официального вероисповедания в известной степени рассматривалось как акт политической лояльности существующему режиму.

⁵³ Бартикян Р.М. Неизвестная армянская аристократическая фамилия на службе в Византии в X–XI вв. // АДСВ. Византия и средиземноморский Крым. Барнаул, 1991. С. 82–91.

⁵⁴ См.: Всеобщая история Степаноса Таронского... С. 118, 120–121, 126, 142, 185, 199.

⁵⁵ Арутюнова В.А. “Ивир” в византийских источниках XI в. // Сообщения Матенадарана. Ереван, 1979. 11. С. 46–66.

⁵⁶ Но ср.: Бартикян Р.М. О ΒΑΡΔΑΣ Ο ΒΡΑΤΖΗΣ Жития Марии Новой и византийских патронимах Ивирицы и Ватаци // ИФЖ. 1980. 3. С. 244–250.

мечали, что некоторые из них ведут свое происхождение от армян. К тому же, не всегда этническое самосознание индивида совпадало с его этническим происхождением. Поэтому рассмотрение противоречивых сведений источников порождает среди исследователей нескончаемые дебаты о том, какой была этническая принадлежность, например, Григория Пакуриана и других “ивиров” на византийской службе⁵⁷. Зачастую причисление того или иного деятеля к армянам-халкидонитам отнюдь не очевидно. Так, в ряде работ В.А. Арутюновой-Фиданян фигурирует будто бы существовавшая “тайкская ветвь рода Торникянов” (с. 69), тогда как Н. Ломоури показал недостаточную обоснованность подобного заключения, приведя факты в пользу грузинской принадлежности данной фамилии, известной как Чортванели⁵⁸.

Представляется сомнительным утверждение исследовательницы, будто армяне-халкидониты рассматривали себя как “неармяне”, ибо приведенные ею данные об армянских поселениях в Приевфратье, свидетельствуют о том, что обособление шло в рамках армянского этноса и было закреплено лишь конфессионально. Возможно, конфессиональная принадлежность определяла некие культурные особенности данной группы армян, но четко выделить их на основе хотя бы художественного оформления принадлежащих им рукописей, храмов⁵⁹ и их росписей не представляется возможным⁶⁰. Это отмечает и сама В.А. Арутюнова-Фиданян, ссылаясь на упомянутые Р.М. Бартикяном рукописи, созданные в монастырях Акна (с. 73). Немногочисленные рукописи, не связанные с данными скрипториями, она приписывает халкидонитам сугубо предположительно, так как объективных данных в пользу этого нет (с. 77). Как пример “устойчивых традиций армяно-халкидонитского искусства” (со ссылкой на работу А.М. Лидова), приводятся росписи Ахталы, но далее уточняется, что оригинальность их сводится к особенностям иконографической программы.

Итак, вывод В.А. Арутюновой-Фиданян о “пограничности” культуры армян-

⁵⁷ См. публикацию: *Seibt W. 'Αρσάκιδες // Arsakuni–Armenische Aristokraten. S. 354. N 6a* – мольбодвул протокуропалата Пакуриана Аршакида. Но имя Пакуриан, может быть (или скорее всего) является преномом, а не патронимом.

⁵⁸ Так, в работе 1978 г. и в монографии фигурируют Иоанн Торник и Иоанн Варзаваче (с. 69, примеч. 37). Н. Ломоури (Указ. соч. С. 52–53) показал, что В.А. Арутюнова-Фиданян ошибочно “создала” Иоанна Торника и Иоанна Варзаваче, ибо речь должна идти об их светских именах (Торнике, Варзаваче) и принятых после пострига в Ивероне (Иоанн). Его аргументация игнорируется и воспроизводится текст 1978 г. (с. 69). Данный вопрос осложняется тем, что единственным аргументом, постоянно используемым исследовательницей, является утверждение Н. Адонца, что Иоанн Торник поставил хачкар с армянской надписью близ Карина, а его брат Иоанн Варзаваче – хачкар в армяно-халкидонитском соборе в Ани (см.: *Adontz N. Torunik le Moine // Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965. P. 309, 317–318*). Мнение Н. Адонца весьма авторитетно, но было бы желательным обратиться к первоисточникам, ибо изданы как минимум надписи Ани. Эти хачкары как свидетельство армянского происхождения “Торникянов” фигурируют и в последней статье В.А. Арутюновой-Фиданян (Этноконфессиональное самосознание армяно-византийской знати в XI–XII вв. С. 180), где “Торникяны” объявлены трижды “ивирами” как происшедшие из фемы Ивирии, исповадывшие “ивирскую веру”, наконец, как монахи Ивирина. Напомним, что уже как монах Ивирина Иоанн (в миру Торнике) в качестве полководца возглавил войска Давида Куропалата, направленные в помощь Василию II для подавления мятежа Варды Склира в 976 г., когда о феме Иверии, из которой он якобы происходил, и речи не было, ибо она образовалась через 46 лет.

⁵⁹ Мнение о постройке армянами-халкидонитами храмов таосской архиектурной школы X–XI вв., с ссылкой на работу Н.М. Токарского 1946 г., представляется абсолютно не обоснованным, ибо после критики С. Джанашиа (Об одном искажении исторической правды // ВИ. 1947. № 5. С. 71–89) во втором издании своего труда он исключил данный раздел (*Токарский Н.М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван, 1961. Ср.: Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981*).

⁶⁰ См.: *Thierry M. Deux couvents gréco-arméniens sur l'Euphrate Taurique // Byz. 1991. T. LXI. Fasc. 1. P. 496–519; Лидов А.М. Росписи Ахталы // ПКНО. Ежегодник 1992. М., 1993. С. 168–193. Характеризуя росписи, автор отмечает, что высокое мастерство исполнения “только подчеркивает различие стилистических решений. Столь разнородная картина не имеет аналогий среди известных памятников монументальной живописи Кавказа XI–XII вв.” (с. 169). И это не удивительно, если, по мнению А.М. Лидова, главный мастер был скорее всего армянином-халкидонитом, получившим константинопольскую выучку, второй был греком, остальные – грузинами. Все они принадлежали “не только к различным художественным направлениям, но и к различным национальным традициям” (с. 189). Тем неожиданнее вывод автора, что “росписи первой половины XII в. позволяют поставить вопрос о формировании искусства армян-халкидонитов, особой художественной школы...” (с. 190).*

халкидонитов мы полностью разделяем, тогда как тезис о ее оригинальности остается не доказанным, как, впрочем, и тезис о их культуртрегерстве. Рассматриваемая в его обоснование переводческая деятельность была присуща всем народам региона и не является атрибутом “пограничных групп” населения.

Вопрос политических последствий перехода армян в халкидонитство также остается непроясненным. Называемые в качестве армян-халкидонитов некоторые политические и церковные деятели XI в. либо таковыми не являлись, либо их принадлежность к данной группе отнюдь не очевидна, что отмечает и сама В.А. Арутюнова-Фиданян. В принципе, это самое слабое место любой попытки выделить представителей данной группы, ибо ее границы, как границы любой контактной группы населения, довольно размыты и неопределенны. А так как критерии отнесения индивидуума к данной общности также нечетки, то появляется возможность для неоправданного манипулирования фактами.

Так, тезис исследовательницы о том, что епископ Валашкертский Захарий был армянином, в свое время достаточно убедительно опроверг Н. Ломоури. Следовательно, если в своей монографии она вновь повторяет свое утверждение, необходимо было опровергнуть мнение оппонента (с. 79).

Утверждение автора, что семья Чортванели была армяно-халкидонитской и являлась “тайкской ветвью Торникянов”, возможно при условии убедительной критики аргументации Н. Ломоури, доказывающего ее грузинское происхождение. Также не аргументирован тезис о существовании “киликской ветви Пакурианов”, ибо это мнение основано только на сходстве патронима Григория Пакуриана и пренома известного в Киликии XII в. князя Пакуриана: судя по изданной В. Зайбтом печати, это имя – преном, а не патроним⁶¹.

К сожалению, приведенные автором списки стратигов и должностных лиц Эдессы не полны, не точны и не учитывают литературу, изданную после выхода из печати соответствующих статей В.А. Арутюновой-Фиданян в 70-е годы. Но с тех пор были изданы монументальные каталоги Г. Закоса, В. Зайбта, Н. Икономидиса, коллекции А. Сейрика. Так, опубликованы печати Никиты, патрикия и катепана Иверии; Василия, протоспафария Хрисотриклиния и крита Ипподрома и Иверии; Иоанна, спафарокандидата, асикрита и крита Иверии; Исаака Комнина, патрикия и катепана Иверии⁶². Апокап не был стратигом Эдессы в 1065 г., как утверждает исследовательница. Судя по изданным моливдулам, этот пост занимал его сын Васил⁶³. Несомненно ошибочно попали в список византийских функционеров Иверии Михаил и Василий. Отметим, что никаких данных в пользу вхождения Кларджети в состав Иверии нет⁶⁴. Более того, Ш. Бадридзе показал, что она входила в состав Грузии⁶⁵. Наконец, сомнительно, чтобы дукат (а Михаил назван дукой) входил в состав катепаната, которым до 1044 г. была Иверия.

Столь же неполон и список стратигов Васпуракана. После издания соответствующей статьи В.А. Арутюновой-Фиданян, появилась масса публикаций моливдулов, например, Григория Аршакида, эпи ту койтонос, дуки Васпуракана и Тарона; Стефана, протоспафария Хрисотриклиния и катепана Васпуракана; Аарона, патрикия, веста и катепана Васпуракана; Георгия Манеака, патрикия и

⁶¹ Seibt W. 'Αρσακίδες // *Arsakuni-Armenische Aristokraten*. S. 354, 355.

⁶² См.: Zacos G. *Byzantine Lead Seals*. Bearn, 1982. Vol. 2. № 387, 1026; Κωνσταντόπουλος Κ.Μ. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματολογικοῦ Μουσείου. Ἀθηνῶν, 1917. № 117а.

⁶³ См.: Степаненко В.П. К *cursus honorum* Василя, сына Апухана // *Политическая история и историография от античности до современности*. Петрозаводск, 1994. С. 27–34.

⁶⁴ См. подробнее: Там же. С. 28.

⁶⁵ Badridze Ch. *Deux études pour servir à l'histoire du Tao // Bedi Kartlisa. Revue de Kartvelologie*. 1978. 31. P. 172–177.

катепана Васпуракана; Васи́ла, сына Апухапа, вестарха и катепана Васпуракана⁶⁶.

Изданы и печати стратигов “малых” фем например, Николая Миреилита (?), протоспафария и стратига Арчеша⁶⁷. Часть публикаций относится к 80-м годам, но ни одна из них не учтена в работе.

Еще более неполон список стратигов Эдессы, также воспроизведенный автором в книге близко к тексту собственной статьи 1965 г. С тех пор также появилось множество публикаций моливдовулов стратигов, в списке не учтенных⁶⁸. Есть и ошибки. Так, среди стратигов Эдессы фигурирует некий Варазваче Торникян (с. 85) как представитель “тайкской ветви рода Торникянов”⁶⁹. Но еще в 1976 г. В.С. Шандровская издала моливдовул Торника Варазваче, протоспафария и стратига Эдессы и показала, что Торник – пренем, а не патроним⁷⁰. Аргументация В.С. Шандровской должна быть принята или убедительно опровергнута, чего автор не сделал⁷¹.

Вряд ли можно согласиться с утверждениями В.А. Арутюновой-Фиданян, что с 1046 г. “армяне-халкидониты решительно преобладали в составе наместников Эдессы”, так как в их число включены не только “представители знатных родов тайкской армяно-халкидонитской аристократии”, но и греки, лишь предки которых были армянами (например, Катакалон Кекавмен и Никифор Васи́лаки). Возникает вопрос о критериях отнесения того или иного византийского деятеля к армянам-халкидонитам. Только ли армяно-халкидонитская аристократия из преимущественно грузинского Тао оказалась в Византии? Где же грузинская православная аристократия? Или Византия ее не использовала вообще? Или в отличие от армянской она не была выселена в империю и продолжала жить в своих владениях в Закавказье? Эти вопросы требуют четких ответов. В противном случае можно подумать, что вся правящая верхушка южногрузинских государств состояла из армян-халкидонитов, что вряд ли реально. Возникла сугубо априорная точка зрения, согласно которой все выходцы из Тао должны быть армянами-халкидонитами, наиболее последовательно проводимая В.А. Арутюновой-Фиданян. Но К.Н. Юзбашян писал, что “в Тайке мы имеем дело действительно с переливом части аристократии из армянского общества в грузинское. Армяно-грузинские семьи мыслимы в границах только грузинского общества. Их специфика задавалась армянским началом. Иное дело, в какой мере это начало удерживалось в реалиях или в сознании. Движение происходило от армян к грузинам, а не наоборот. При этом приобщение к грузинам происходило не только в вероисповедных вопросах – оно было приобщением к этносу и культуре”⁷².

⁶⁶ Zacos G. Byzantine Lead Seals. N 352, 1046; Jordanov I. Molybdobulls nouvellement decouverts de Basile Aropakes // Etudes Balkaniques. 1986. 1. P. 123–127; Шандровская В.С. Печати армянских деятелей XI–XII вв. и правителей Васпуракана // IV Международный симпозиум по армянскому искусству. Тез. докладов. Ереван, 1985. С. 305–306; Она же. К истории фемы Васпуракана // ВВ. 1994. Т. 55. С. 152–161.

⁶⁷ Cheynet J.-Cl., Morisson C., Seibt W. Sceaux byzantins de la collection Henry Seyrig. P. 1991. P. 123. N 168.

⁶⁸ Например, Льва Арвентина, вестарха и дуки Эдессы (*Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals.* Washington DO. 1986. P. 92–93. N 94; Collection Henri Seyrig. P. 127–128. N 177).

⁶⁹ На том же основании причисляется к киликийскому роду Опинидов-Хетумидов и наместник Эдессы Торос, сын Хегума (*Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские правители Эдессы...* С. 153).

⁷⁰ Шандровская В.С. Несколько византийских печатей из коллекции Эрмитажа. Из истории армяно-византийских отношений X–XI вв. // Actes du XIV congrès international des études byzantines. Bucarest. 1971. Bucarest, 1976. Т. 3. P. 219–220; Она же. Одно уточнение текста хроники Скилицы по материалам сфрагистики // СГЭ. 1975. XL. С. 46–48.

⁷¹ Так известна печать Арги́ра Каратцаца 90-х годов XI в. (*Jordanov I. Medieval Plovdiv According to the Sphragistic Data* // SBS. 1995. 4. P. 118. N 6–7), никакого отношения к Арги́рам не имевшего.

⁷² См.: Юзбашян К.Н. Рец.: Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975 // ВВ. 1978. Т. 39. С. 238.

Следовательно, в состав византийской правящей верхушки должна была влиться основательно картвелизированная группа представителей армянской аристократии и собственно грузинской. Но можем ли мы отделить первых от вторых? Критерии для этого достаточно размыты. Более того, как отметил А.П. Каждан, в историографии возникла ситуация, при которой даже в тех случаях, когда армянские хронисты ясно пишут о грузинском происхождении конкретного византийского деятеля, они объявляются исследователями недостоверными, а сам деятель – армянином-халкидонитом⁷³. Грузинами признаются лишь те, чье происхождение бесспорно, например, патрикий и стратиг Георгий Катас, известный по моливдовулу с греческой и грузинской надписями, последняя из которых называет его Катас-дзе⁷⁴. Грузинами были и Липариты, моливдовулы которых известны, но полностью не собраны⁷⁵. А раз источниковая база неполна, то сделать на ее основе сколько-нибудь убедительные выводы невозможно.

Выше мы писали о том, что список стратигов Эдессы неполон, а их этническая принадлежность не всегда объективно интерпретирована. То же можно констатировать и относительно перечня стратигов Антиохии (с. 87–88). Список Ж. Лорана, хотя он и использовал не изданные тогда моливдовулы коллекции А. Сейрика, положенный в основу перечня В.А. Арутюновой-Фиданян, неполон (всего 26 человек). Он пересмотрен, дополнен издателями каталога коллекции А. Сейрика и в настоящее время включает имена 39 стратигов (из них 4 под вопросом)⁷⁶, т.е. стал на треть больше. Без их учета делать сколько-нибудь убедительные выводы невозможно. Недавно Ж.-К. Шене издал моливдовулы из собраний музеев Антиохии и Тарса и в том числе Никифора, севастофора и дуки Антиохии, Исаака Комнина, протопроедра и дуки Антиохии⁷⁷. Не изданы соответствующие моливдовулы из коллекции Думбартон Окса.

При характеристике стратигов Антиохии, армянское происхождение предков которых вероятно, но не доказано, нет указаний на ряд существенных работ, им посвященных. В результате имеет место ряд неточностей. Так, автору осталась неизвестной самая фундаментальная работа по истории рода Вурц, принадлежащая Ж.-К. Шене. Напротив, из-за некритического отношения к гипотезам предшественников в список стратигов Антиохии попали представители рода, никогда этих постов не занимавшие, например, Константин Вурца (с. 88). Основанием для включения Константина в список, по-видимому, явилась приписанная ему В. Лораном печать Константина, магистра и дуки Антиохии. Но это не более, чем гипотеза.

Наиболее показательно для подхода В.А. Арутюновой-Фиданян к проблеме – определение этноконфессиональной принадлежности дуки Антиохии Хачатура, в армянском происхождении которого не сомневались и современники. Некий Хачатур, отождествленный исследовательницей с дукой Антиохии, оставил Григорию Пакуриану по завещанию крест. Следовательно, по ее мнению, они были родственниками. Но так как последний – армянин-халкидонит, то “можно предположить, что и семья Хачатура принадлежала к тайкской армяно-халкидонитской аристократии”! (с. 88). Все это создает впечатление, что для исследовательницы семья армянского происхождения и семья армяно-халкидонитская – тождественные поня-

⁷³ См. его реплику на мнение В.А. Арутюновой-Фиданян и С.Е. Еремяна о том, что термин “ивир” обозначал не только грузин, но и армян-халкидонитов: «По мнению С.Т. Еремяна, Матвей Эдесский именно таким образом понимает этот термин, когда называет Григория Пакуриана “грузином по племени”. Не будучи ни в какой мере специалистом по древнеармянскому языку, я не беру на себя смелость истолковывать это спорное место и решать вопрос, могло ли слово “племя, народность” употребляться Матфеем в значении “исповедная принадлежность”» (Каждан А.П. Армяне... С. 144. Примеч. 4).

⁷⁴ Collection Henri Seyrig. P. 153. N 219.

⁷⁵ Например, Василий Липарит (*Secsani* C. Sigilli si tessere Byzantinc, gasite in Dobrodea // *Rasaturul*. 7–8. 1938. P. 4).

⁷⁶ Collection Henry Seyrig. P. 114. Не учтен Евстафий Мален, анфипат, патрикий и стратиг Антиохии и Ликанды. См. примеч. 19.

⁷⁷ *Cheyne J.-Cl. Sceaux byzantins des musées d' Antioche et de Tarse* // *TM*. 12. 1994. P. 420–422. N 50, 51.

тия. Однако это не одно и то же, так как могло миновать несколько поколений со времени появления в империи армянского предка, и семья, чем более высокое социальное положение она занимала, тем более быстро эллинизировалась в культурном отношении. Поэтому, повторимся, считать безоговорочно армянами-халкидонитами Далассинов, Вурц, Кекавменов, Склиров, Даватианов нет оснований (с. 89), но вполне вероятно, что они имели армянских предков.

Возвращаясь к личности Филарета Врахамия, В.А. Арутюнова-Фиданян высказывает сомнение в его принадлежности к известному роду на том основании, что Михаил Сириец считал его разбойником, но поскольку Маттэос Урхайеци писал, что по отцу и матери он был армянином, поскольку автор интерпретирует это свидетельство как доказательство его принадлежности к армяно-григорианской церкви (с. 89–90). Но данное толкование сомнительно и во всяком случае – не единственно возможно⁷⁸. Ясно лишь, что хронисты имели довольно смутное представление о происхождении Филарета.

Подобно многим другим провинциальным родам род Врахамиев был довольно плохо известен современным хронистам и прослеживается только по сигиллографическим источникам⁷⁹.

Утверждение, что Филарет получил от Никифора Вотаниата “командование византийскими гарнизонами, инвестиру в отношении собственных войск и сюзеренитет над местными владельцами-вассалами Византии” (с. 91), не совсем верно. Он уже контролировал и армию, и администрацию, и гарнизоны, что и было признано империей. Относительно имперских вассалов у нас никаких данных нет, а статус Филарета вряд ли может быть осмыслен в рамках византийской табели о рангах и даже византийской системы международных отношений, что вполне естественно для времени их коренной ломки⁸⁰.

Существованию армян-халкидонитов как значительной этнокультурной общности в рамках армянского этноса на территории Византии положило конец сельджукское завоевание Малой Азии. Новая граница империи прошла по территориям с преимущественно греческим населением в Понте и по р. Меандр⁸¹. К тому же постепенное усиление Киликийского княжества Рубенидов сделало его центром притяжения армянской диаспоры Ближнего Востока. Часть армян-халкидонитов, как кажется, осталась на территории Приевфратья сначала в пределах армянских княжеств, а затем, после их аннексии крестоносцами, на территории их государств – графств Марашского и Эдесского⁸², Антиохийского княжества, где численно явно преобладало армянское население, сохранившее приверженность “национальной” церкви, о чем свидетельствует перенесение сюда армянского патриаршего престола (в Кесун, позже в Цовк и Ромклай).

⁷⁸ Отметим, что в вышедшей недавно статье исследовательница рассматривает Филарета как представителя рода Врахамиев, хотя статья В.С. Шандровской (см. примеч. 66) осталась ей неизвестной. См.: Арутюнова-Фиданян В.А. Этноконфессиональное самосознание армяно-византийской знати в XI–XII вв. С. 181.

⁷⁹ См. печати Врахамиев: Шандровская В.С. Византийские печати армянских деятелей XI–XII вв. // ИФЖ. 1992. 1. С. 192–193. В качестве примера деятеля, карьера которого прослеживается преимущественно по сфрагистическим данным, можно назвать Михаила Маврика, бывшего, кстати говоря, дуклой Антиохии (Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel... S. 168–171. N 58).

⁸⁰ Так довольно необычен и *cursus honorum* Филарета после 1071 г., прослеженный Ж.-К. Шене. В последнем из изданных мюливдовулов он назван domestikom Востока и Мараша (!) (Cheynet J.-Cl. *Secaux byzantins aux musées d'Antioche...* P. 424–426. N 56).

⁸¹ Латинские хронисты первого крестового похода локализовали “земли армян” в Малой Азии от Кокисона в Каппадокии до Антиохии и Эдессы (Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum / Ed. by R. Hill. L., 1962. P. 25, 33).

⁸² Так, Михаил Сириец пишет, что наместник графа Эдессы в Гурисе Филарет по отцу и матери был армянином, по вере греком, а по внешнему облику франком (Chronique de Michel le Syrien... P. 283). Некто Варда армянин подписал в 1126 г. хартию Гийома де Бурис аббатству Богоматери в Иосафатовой долине (Chartes de Terre Sainte, provenant de l'Abbece de Nortc Dame de Josaphat / Ed. H.F. Delaborde. P., 1880. P. 41. N 14).

Подведем итоги. На наш взгляд, период сугубо эмпирического подхода к проблеме армян-халкидонитов Византии, примером которого явилась во многом итоговая в данном смысле работа В.А. Арутюновой-Фиданян, прошел или должен пройти. Необходимо сформулировать четкие дефиниции и создать приемлемый понятийный аппарат в целом, дабы было ясно, какой смысл вкладывает исследователь в каждое конкретное понятие. По-видимому, необходимо вернуться назад и начать создавать банк данных об армянах-халкидонитах в Византии и Грузии, учитывая, что часть грузинской территории последней оказалась в X в. в составе империи. Это резко ограничит возможности манипулирования вырванной из исторического контекста информацией и избавит от соблазна формулировать малоаргументированные гипотезы.

Корни этнополитической ситуации, сложившейся на восточной границе империи в X в., следует искать в более раннем периоде ее истории, когда задолго до аннексии Тао и, следовательно, до появления на территории Византии выходцев из Закавказья армянского и грузинского происхождения, здесь уже существовало значительное по численности армянское население, эллинизация которого началась задолго до XI в. Например, судьбы армянского населения Фракии и Македонии, одним из представителей которого был Василий I. Без изучения ранних этапов данного процесса (начало ему положил П. Харанис), при всей трудности определения этнокультурной принадлежности того или иного индивида⁸³, продолжение исследования данной тематики становится повторением пройденного.

В данном же конкретном случае приходится констатировать, что отдельные вольности в интерпретации единичных фактов, быть может, терпимые в частных исследованиях, собранные воедино и ставшие основой для широких обобщений, лишь запутали проблему, не продвинув вперед ее исследование⁸⁴.

Данная работа вызвала больше вопросов, нежели дала ответов. И причина этого не только и не столько в собственных ошибках исследовательницы, которые очевидны, сколько в отсутствии какого-нибудь общепринятого понятийного аппарата, тем более необходимого, что проблема находится на стыке истории и этнографии. К изучению этнокультурных процессов необходимы иные подходы, иная методология, нежели продемонстрированная в книге В.А. Арутюновой-Фиданян.

---

⁸³ Как показал Р.М. Бартикян, это все же возможно. См., например, его ст.: Размышления о "Житии" Марии Новой // Българско средновековие. Сборник в чест на 70 годишнината на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 62–66, а также работы, указанные в примеч. 43, 45.

⁸⁴ Например, каков статус и конфессиональная принадлежность армян, упомянутых Львом Диаконом как участников столкновения с жителями Константинополя весной 967 г. (*Лев Диакон. История* / Пер. М.М. Копыленко. Статья М.Я. Сюзюмова. Комментар. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988. С. 37). О том же сообщает Скилица (*Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum* / Rec. J. Thurn. Berolini: Novi Eboraci, 1973. P. 273). Комментаторы называют их наемниками. Но не были ли они придворными гвардейцами, сопровождавшими императора Никифора Фоку в его шествии к храму Богоматери в Пиги, предместье столицы?